

Опасные
удовольствия

ОКСАНА ОБУХОВА

Пока не зазвонил телефон

Опасные удовольствия

Оксана Обухова

Пока не зазвонил телефон

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Обухова О. Н.

Пока не зазвонил телефон / О. Н. Обухова — «Центрполиграф»,
2020 — (Опасные удовольствия)

ISBN 978-5-227-09146-8

Несколько лет подряд в Москве и области пропадают молодые красивые блондинки. Их тела затем находят в подмосковных водоемах. У полиции нет сомнений, что действует серийный убийца. «Дело Водяного» тщательно засекречено, чтобы избежать паники. Но когда тело очередной «русалки» находят в непосредственной близости от дачи Евгении Львовой, депутата Госдумы, в деревню Игнатово отправляют одного из лучших следователей по особо важным делам, Станислава Гущина. Стас – человек сугубо кабинетный, интеллигент и аналитик. Не его дело бегать по окрестностям в поисках доказательств. Но два соображения сразу привлекают его внимание. Обе дочери Львовой молодые красивые блондинки. Последнее убийство явно указывает на то, что убийца – кто-то из ближнего круга Львовой, кто-то из соседей, друзей, домочадцев...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09146-8

© Обухова О. Н., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Оксана Обухова

Пока не зазвонил телефон

Пролог

О том, как мирный следователь Станислав Петрович Гушин задержал вооруженного преступника, хотели снять документальный фильм. Особенно старалась одна деятельная журналистка. Чуть ли не ежедневно навещая Гушина в больнице, где тот лечил простреленное колено, и заваливая его тумбочку дарами-апельсинами, она темпераментно втолковывала майору юстиции, что упустить такой сюжет никак не может: контраст сработает великолепно! Типичный кабинетный мыслитель с лицом потомственного интеллигента выдержал нешуточную схватку с обезумевшим преступником, заработал пулевое ранение колена, но таки задержал и обезвредил. Эпос, по ее мнению, совершенно героический, убойный!

Тридцатисемилетний майор, не находя в себе ничего убойного, терпеливо объяснял «акуле», что лавры, вне сомнений, принадлежат свидетельнице, сумевшей составить вменяемый фоторобот преступника. А самому Гушину невероятно повезло: случайно опознал, случайно выжил...

В итоге от полнометражного документального фильма он как-то отвертелся, но упорная «акула» все же тиснула пару статей в периодике и интернет-журнале, и слава просочилась на голову героя...

Август обещал стать жарким, июль уже отметился рекордными температурами. Гушин выходил на променады лишь ранним утром или поздним вечером – врачи приказали разрабатывать коленный сустав, который, к счастью, удалось спасти от протезирования. Колено ныло и поскрипывало, майор, опираясь на трость, наматывал круги по скверу возле дома. Его левую руку оттягивал поводок, прицепленный к ошейнику миниатюрной рыжей таксы Зойки...

Таксу, как действующее лицо (или морду?) этой истории, стоит осветить чуть-чуть подробнее. Кличка славной заграничной собаки была иной – длинной, заковыристой и труднопроизносимой. Включала в себя даже приставку «фон» в собачьем паспорте. Но Гушин, едва увидев крохотное лысоватое существо, подаренное его маме Маргарите Павловне на день рождения, недоуменно высказался: «На мой взгляд, мама, это не совсем собака».

Это червячок на лапках... заноза какая-то». В результате домашнее прозвище Заноза за псинкой зацепилось, чуть позже трансформировалось в Зойку и получило логично вытекающее отчество Маргаритовна. Гушин, правда, в минуты благодушия продолжал именовать таксу Занозой, но уже фон Маргаритовной.

Эти неспешные прогулки Зойка чрезвычайно одобряла и вела себя примерно, не заставляя хромоногого хозяина разыскивать ее по окрестным кустам и помойкам. Благовоспитанно вышагивала рядом, лишь изредка отвлекаясь на обнюхивание со знакомыми собаками.

Гушин тяжело добрал до лавочки, присел, подзывая Маргаритовну. Сегодня днем ему позвонил подполковник Коростылев, предупредил, что подъедет, и предложил встретиться в сквере. Мол, хорошо бы посидеть на свежем воздухе.

Подумав о начальнике, Стас автоматически потянулся к карману, в котором раньше лежали сигареты... Но вовремя опомнился: стерильный больничный режим быстро отучил его от дурной привычки. Однако получилось, что достаточно подумать о работе и начальнике, как руки снова потянулись к сигаретам.

Стас усмехнулся, поглядел направо и увидел бодро шагающего по аллее Анатолия Николаевича: невысокий, крепенький, с наметившимся брюшком и залысынами, он на ходу снимал надоевший за день пиджак. Раздеваться получалось не слишком ловко, под мышкой подпол-

ковник удерживал кожаную папку. Подцепив пальцем пиджак за петельку, Николаевич перекинул его через плечо и свистнул хорошо знакомой с ним Занозе.

Маргаритовна замерла, подергала носом... и, опознав персону, стремглав помчалась к подполковнику. Тот ухмыльнулся: забавное зрелище – уши собаченции развевались рыжими флажками, кривые лапы громко цокали когтями по асфальту, прут хвостика вращался, словно вентилятор.

– Прости, Маргаритовна, ничего тебе не захватил. – Поприветствовав собаку, Коростылев обратился к привстающему с лавочки Гущину: – Сиди, сиди, Стас! Как дела? Колено лучше?

Коллеги обменялись рукопожатиями, майор одним словом ответил сразу на оба вопроса:

– Нормально. Как вы там?

– Штатно, – так же коротко определился подполковник.

Сел. Пристроил папку на коленях, глубоко вздохнул и замолчал, утирая широкий лоб мятым носовым платком.

Гущин напрягся. Он слишком хорошо знал своего начальника, чтобы сделать вывод: Коростылев приехал не с визитом вежливости, а по необходимости, причем, пожалуй, неприятной. Патрон не раз навещал майора – и в больнице был, и дома, – и каждый раз пытался хоть как-то развеселить раненого сослуживца, рассказывая уморительные случаи из недавнего, делился новостями. Сейчас молчал и щеки надувал.

Подтверждая догадку, шеф набрал в грудь воздуха и неловко брякнул:

– Не ошизел еще от безделья-то? А?

«Приехали, – подумал Гущин. Грубоватыми шутками шеф обычно маскировал сильное волнение. – Что-то случилось. Или в запас меня списать решили?!»

Заметив, как напрягся дружище подчиненный, подполковник невесело буркнул:

– Ладно. Не буду тебя мариновать. – Раскрыл замок на кожаной папке и, пряча глаза, закопошился в бумагах. – Я, Стас, к тебе по делу. Где же это тут у меня... Ах, вот. Смотри.

Когда Гущин брал пластиковую обложку с документами, руки у него слегка подрагивали. Но, едва приглядевшись к лежащим в папке фотографиям с места преступления, о собственных проблемах майор забыл в одно мгновение: крупный план лица мертвой девушки с мокрыми светлыми волосами, несколько снимков знакомого речного берега с девичьей фигуркой на зеленой траве. Еще одним крупным планом криминалист сделал акцент на одежде покойницы: подол платья в стиле милитари – с карманами и погончиками – обрезан полукругом.

Разглядывая фотографии, Гущин пробормотал:

– Ага. Еще одна «русалка»? Новый эпизод по Водяному? – Прищурился на подполковника: – Который уже по счету?

Коростылев, играя скулами, ответил:

– Восьмой. У той же плотины. Эта «русалка» вторая за лето, Стас. Первую, правда, выловили за пятнадцать километров от заводи, но круг сужается. Раньше Водяной работал по большому радиусу, сейчас... обнаглед, зараза. Пять девушек из восьми найдены в одном районе.

Станислав поглядел на лужайку, по которой носилась Зойка в компании пуделя и молодой овчарки. Задумался.

Три года назад Гущин вел расследование гибели молоденькой девушки, труп которой обнаружили у водоподъемной плотины, представлявшей собой обычную деревянную планку, что позволяла воде свободно протекать. Тогда еще никто не знал, что дело станет серией. Гущин неплохо изучил окрестности: труп могли сбросить с нескольких мостов, расположенных выше по течению, или пустить в плавание с довольно протяженного берега – река с десятком километров текла практически по прямой линии. Статус серийного делу придали позже, когда в подмосковных водоемах были обнаружены еще две жертвы со схожими следами насилия. Всех трех девушек перед убийством изнасиловали, на их шеях имелись параллельные

неглубокие порезы, которые от длительного пребывания в воде распухли и стали похожими на жабры. Порезы делались прижизненно, в тот момент девушкам, судя по синякам от пальцев на лице, перекрывали дыхание, зажимая рот и нос рукой. У всех девушек отсутствовала одна сережка. Убийца, вероятно, фетишист, забирал на память украшения.

Дела о гибели трех девушек объединили в одно производство и передали коллеге Мартынову, лихо работающему по серийщикам.

Стас тогда, надо заметить, слегка обиделся. Но на нем висело несколько серьезных многолетних дел, и досада забылась быстро.

Глядя на галопирующую Зойку, майор спросил начальника:

– А чего это вдруг во мне-то надобность возникла? Игорь не справляется?

– Ну... – раздул щеки подполковник, – Мартынов человек упорный, но если «русалок» все еще находят, то, значит, не справляется. Сам понимаешь, Стас, эта девушка – вторая за лето, а он убивает их по три за сезон... То есть надо ждать еще как минимум одно убийство.

– И?..

Стас повернулся к патрону и приподнял брови. Напоминать о предупреждении врачей «На больничный, уважаемый, вы как минимум на два месяца залетели» было незачем. Заново взять дело Водяного Гущин никак не мог.

Подполковник закинул руку наверх, помассировал макушку, поросшую коротким седоватым ежиком.

– Николаич, не тяни, – попросил майор. – В чем дело?

– В политике, – брякнул патрон. – Чтоб ее черти взяли.

– В смысле?

– В конкретном смысле и есть. Последняя «русалка» – горничная Евгении Сергеевны Львовой.

Произнеся имя, подполковник сделал паузу, и Гущин понятиливо кивнул:

– Той самой?

– Угу. Мадам депутат в истерике, мы три дня в мыле бегаем. Всех собак на Игоря спустила. – Хмурый подполковник поделился подробностями. Мрачно посетовал на связи «истеричной бабы». Хотя закончил неожиданно и примирительно: – Но и Львову понять можно. Она живет в паре километров от плотины, имеет двух дочерей-блондинок, убийца орудует в непосредственной близости...

– Подожди-подожди, – перебил майор. – Львова, что... знает о серии с блондинками? – Шеф, подтверждая, мотнул головой, и Стас развел руками: – Но откуда?! О серии в прессе ни гу-гу!

– Вот. – Подполковник со значительной миной поднял указательный палец и повторил: – Политика, чтоб ее... В помощниках у Львовой подвизается младший сын замминистра из параллельного ведомства. Политического опыта у «львицы» набирается. – Коростылев вздохнул. – И то ли этот Владик решил полезность выказать, то ли попросту придурок... В общем, он о Водяном начальнице всю инфу выдал. Да так выдал, что у Львовой чуть инфаркт не случился.

Станислав поморщился. Ситуацию патрон обрисовал крупными художественными мазками: ретивый дуралей решил выслужиться перед начальницей и доложил ей – мама не горюй! Помощь бати-замминистра, поди, предложил. Карьерист, чтоб их всех вместе с политикой...

– Короче, – продолжал подполковник, – Львова затребовала для следственной группы лучшие силы. Попросила обеспечить свой поселок охраной...

– А у нее что, *неохраняемый* поселок? – удивился Стас.

– Поселок Львовых – отдельная история...

Неожиданно для Гущина местечко Игнатово, где жила мадам депутат, оказалось не супермодным обиталищем нуворишей, а обычной деревенькой – малой родиной ее супруга

Дмитрия Михайловича. И, по словам Евгении Сергеевны, радела она прежде всего не о безопасности семейства, а беспокоилась о населении (электорате).

– О как. – Майор покачал головой.

– А то. Политика. Львова вроде бы и вправе требовать и истерить. Типа то, что у нее две дочери, двадцати семи и шестнадцати лет, уже вторично.

– Ну я б ее за беспокойство о дочерях тоже не стал упрекать.

– Согласен. У меня самого две внучки. Львову можно понять: где-то поблизости ходит убийца, дочки в самом аппетитном возрасте... Я бы на ее месте и сам все силы приложил.

– И в чем подвох? Я-то чем помочь могу?

Подполковник выпалил просьбу, как в канализационный люк прыгнул:

– Не мог бы ты пожить у Львовых, а?

– Как это? – подался назад майор. – Что значит – пожить? Где?

– В Игнатово. В загородном доме. Львова сама тебя предложила.

– Львова? Меня? – Раздельно и недоуменно выговаривая вопросы, Гушин думал о том, где депутат могла о нем услышать.

– Ну ты же у нас прославился, герой. А после еще услужливый Владик тебя пробил, вероятно, через батю: мол, да, есть такой гениальный сыщик-важняк, – ввернул комплимент Коростылев, – обретается без дела, когда-то, кстати, его от этого расследования отстранили, и сейчас никто...

– Да не отстраняли меня! – перебил Гушин. – Дела попросту объединили!

– Львовой в этом разбираться некогда. Ей донесли, что отстранили толкового сыскаря...

– Толя, Толя, подожди, – взмолился майор. – Дай опомниться! Я даже пока с мыслями собраться не могу... Как ты себе представляешь мое участие?!

Николаевич болезненно покривился:

– Стас, прости, дело, считай, решенное. Меня отправили тебя уговорить, а по сути, даже поставить перед фактом. В высоких кабинетах думают бесхитростно: ты не у дел, но многие задницы прикроешь – отвлечешь огонь на себя. Поживешь немного у Львовой, накал страстей спадет, депутатка постепенно переключится на какие-то другие проблемы...

– Или Водяного поймают, – обреченно дополнил майор. Сплел пальцы в замок и крепко их сжал. – Эта Львова такая влиятельная особа?

– О-о-о... – Подполковник поднял глаза к безоблачному небу. – Связываться не советую – бронебойная баба, деятельная, как четыре мужика. – Немного наклонившись, увещевательно шепнул: – Но главное, Стас, она действительно боится. Горничную убили, когда та шла домой в соседнюю деревню, буквально в двух шагах от Игнатово. Еще одну девушку в начале лета нашли в реке, что протекает возле их поселка. Как думаешь, у депутатки есть повод для беспокойства? Пожалей нас всех, дружище, если ты не согласишься... меня самого в Игнатово отправят! Лишь бы Львова перестала истерить.

Гушин не принял слова подполковника за чистую монету, решил, что тот элементарно жмет на крепкую струну приятельства.

– Николаич, – майор поморщился, – я в самом деле не понимаю, как это будет выглядеть. Какие у меня полномочия...

– Самые широкие! – не дав договорить, пообещал патрон. – С Мартыновым все оговорено, он – за.

– Еще б не «за», – уныло хмыкнул Гушин. – Я на себя бронебойную артиллерию отвлеку.

– Вот-вот, – обрадованно согласился подполковник, почував, что «струна» начинает поддаваться. – Игорю – что? Ему важно, чтоб Львова перестала под ногами путаться. Она же энергичная, дай только слабинку, еще и руководить начнет.

К сидящим на лавке мужчинам подбежала Зойка с прутиком в зубах. Положила его у ног хозяина, села и, с надеждой глядя в глаза, завияляла хвостиком, предлагая поиграть.

Прутик поднял Коростылев, нешироко взмахнув, бросил на лужайку, но кривоватая палка улетела в кусты. Зойка смешно развернулась и, распластываясь тельцем по траве, понеслась разыскивать нехитрую игрушку.

– Что скажешь, Стас? – глядя на смешную таксу, спросил начальник. – Согласен нас прикрыть?

Вопрос Коростылев составил грамотно. Показал, что Стасу будут многие обязаны. Но Гуцин еще пребывал в растерянности – просьба отдавала бредом, следовательно, находящийся на больничном, не имеет полномочий, чего бы там ни обещал начальник. Стас опасался, что его положение будет выглядеть довольно-таки глупым: ни два ни полтора, как говорится.

– Я подумаю, Толя, – поглаживая ноющее колено, кивнул майор.

– Некогда думать, Стас. Если ты завтра не приедешь к Львовой, она возьмет главное управление на бордаж. Ей-богу, возьмет! У нее на нервах мозг переключилось.

– Ты ж говорил, что баба умная, – напомнил Гуцин.

– Так баба же, – невесело отрекся шеф.

– А чего она своих дочек за границу не отвезет? Дума на каникулах, весь август впереди, съездили б куда-нибудь позагорать, поплавать. Я вообще, честно говоря, не понимаю: если Львова так боится за дочек, то почему оставляет их жить в поселке? Разве у них городской квартиры нет или денег на за границу не хватает?

Подполковник отмахнулся:

– В городской квартире ремонт. Из-за границы они недавно вернулись.

– Ну так отправила бы их куда-нибудь еще! И сама б там пожила!

Анатолий Николаевич развернулся к майору всем телом и сердито выпалил:

– Слушай, чего ты на меня наезжаешь, а?! Я сам ей о том же намекал, но она отрезала: «Не могу. По личным обстоятельствам». Вот приедешь к ней и сам лично об этом спросишь, раз такой умный! Может, «львицу» на печалях родимого электората заклинило! Может, она думает: «Своих детей запрячу, а как же дети избирателей?!»

Гуцин покривился:

– Не юродствуй, Толя. Все это дичь какая-то несусветная.

– Дичь не дичь, а уезжать она не хочет. Хочет жить в своем поместье в безопасности, и это ее право.

– Наверное, действительно имеются серьезные причины, – задумчиво глядя на подбегающую с прутиком Зойку, пробормотал майор.

Коростылев наклонился и, не дожидаясь, пока Маргаритовна положит поноску к его ногам, вытянул прут из пасти обескураженной таксы и снова зашвырнул его в кусты. Потрясенная человеческой беспардонностью такса посидела, подвигала рыжими бровями и неспешно поковыляла за прутом. Забава, по ее мнению, получилась скомканной, мимо собачьих правил.

Обтирая о бедро руку, испачканную об исключаемый Занозой прут, подполковник требовательно спросил:

– Стас, скажи мне прямо: ты согласен или я зря приехал?

– На раздумья времени нет?

– Нет, – признался подполковник. – Сегодня я должен сообщить о твоем согласии... или несогласии. – Коростылев просунул руку в наружный карман папки, достал визитку и протянул ее коллеге: – Вот контакты Львовой. Можешь сам ей позвонить и отказаться. Она ждет твоего звонка.

Гуцин поглядел на прямоугольную картонку и покривился:

– Господи, ну почему же я-то?!

– Есть такая профессия, Стас, и есть такое слово – надо.

– Министерские портфели прикрывать?! Давай не будем путать божий дар с яичницей!

Анатолий Николаевич искоса поглядел на горячившегося друга, но в дискуссию вступать не стал. Гоняя по обширному лбу морщины, он с полминуты глядел на веселых собаководов и их жизнерадостных питомцев, двигал губами, как будто пережевывал кислятину и горечь.

– Как же я устал сегодня... – признался, сгорбившись. Опустил левую руку и погладил по спине вернувшуюся без прута фон Маргаритовну.

Печальный человек и огорченная потерей игрушки собака с пониманием смотрели друг на друга. Маргаритовна сочувственно лизнула свисающую руку подполковника юстиции.

Картина общей скорби заставила майора устыдиться. Слов нет, начальник угадал, когда предположил, что Гушин «ошизел» без любимой работы. Майор мечтал вернуться в свой уютный кабинет и приступить к работе...

Но чтобы так? Внезапно. В непонятном статусе...

Кем видит нетрудоспособного следователя Гушина влиятельная депутатка? Мальчиком на побегушках? Служивым для битья? Как сложатся их взаимоотношения?

И не сделают ли Стаса крайним в случае чего?

Деликатно подбирая выражения, майор донес эти мысли до подполковника. Тот легким шлепком по холке отправил Занозу обратно к кустам и пораженно поглядел на собеседника:

– Гушин, каким «крайним»? Ты ж, так сказать, на вольном выпасе – с тебя взятки гладки. Тебя пригласили – нет, уговорили! – погостить, ты добровольно помогаешь коллегам...

– Я могу ознакомиться с тем, что накопал Мартынов за два года?

– Конечно. Игорь будет ждать тебя завтра утром, все подготовит. Львова, кстати, обещала прислать за тобой машину, до Игнатово тебя довезут.

Станислав усмехнулся:

– Все продумали, да?

– На том стоим, дружище. Готовим сани летом, а спиннинги зимой.

Стас помолчал, снова открыл папку и, вынув оттуда фотографию-акцент, спросил:

– Только у этой жертвы отрезан кусок одежды? Или он начал забирать что-то из одежды и у других?

– Только у этой, – подтвердил Коростылев. – У девушки не было сережек, предполагаем, что он взял кусок материи на память.

– Он мог взять поясик или пуговицу, – поднимая лицо от фотографии, задумчиво проговорил майор.

– Водяной любит поиграть с ножом, может быть, резать ткань ему было приятно.

– Или на ткани остались биологические следы.

– Следы? Шутишь? Вода б все смыла.

– А орудие прежнее – медицинский скальпель?

– Да.

Гушин крутил в руке фотографию-акцент. Подполковник, внимательно наблюдая за задумчивым приятелем, улыбнулся:

– Захватило, да?

– Захватило, – согласился Гушин. – Я по маньякам и немотивированным преступлениям не люблю работать, но тут...

– Тут помощь твоя требуется, – подбил итог Коростылев. – А ты без дела засиделся. Все, Стас, один к одному складывается.

Гушин вздохнул, с сомнением поглядел на визитку мадам депутата:

– Звонить?

– Звони!

Коростылев уехал, майор и такса медленно брели домой. Набегавшаяся, присмирившая Маргаритовна едва не утыкалась носом в землю и почти волокла по тротуару уши. Гуцин рядом волок трость.

Внезапно он остановился.

– Поедешь со мной в Игнатово маньяка ловить, а, Зойка? Компанию составишь? Там все-таки природа, общество...

Такса, чихнув, мотнула головой. Майор решительно достал из кармана мобильный телефон.

Львова, с которой он беседовал десять минут назад, отозвалась мгновенно:

– Слушаю вас, Станислав Петрович.

– Евгения Сергеевна, а можно я приеду к вам с собакой?

– Да хоть с конем! – Пока растерянный майор воображал себя приехавшим на лошади, отправила уточняющий вопрос: – Ваша собака ест мясо или приготовить для нее какой-то особенный корм?

– Спасибо, моя собака ест все, но корм я привезу.

Реакция влиятельной дамы из Государственной думы прозвучала авансом добрых отношений.

Назавтра к крыльцу был подан шикарный джип с сыном замминистра за рулем.

Последнее обстоятельство, правда, слегка майора огорчило. Гуцин предпочел бы минимизировать контакты с молодым тщеславным выскочкой. Но, поразмыслив, решил выжать из ситуации максимальную пользу: до депутатского поместья путь неблизкий, в дороге следует поговорить о ситуации в Игнатово.

Заноза, размещенная на заднем сиденье, ворчала и недружелюбно поглядывала на водителя – кажется, ей выскочка тоже не особенно понравилась. Но, скорее всего, собаке в принципе не нравилась идея путешествия в автомобиле: ее в машинах зверски укачивало, и Гуцин не кормил беднягу с вечера. Голодная Заноза не буйствовала и вела себя прилично лишь потому, что помнила: противные тряские путешествия обычно заканчиваются в лесу или на чьей-то даче, где много восхитительных кротовых и мышинных нор. Фон Маргаритовна надеялась, что за страданием последует охота. Но пару раз не утерпела и принялась поскуливать.

– Скоро это прекратится, – извинился Гуцин, знающий, как многих раздражают заунывные собачьи страдания. – Потерпите, Владислав, Занозу скоро укачает, и она отключится.

– Не проблема, – улыбнулся депутатский помощник. – Вы б видели, как я вожу на дачу тетушку с тремя котами.

Следователь кивком поблагодарил сына замминистра за понимание. Тут надо сказать, не будь Стас так предубежден к Владиславу, то обязательно попал бы под его обаяние. Причем, пожалуй, моментально, поскольку Владик относился к людям из породы обаяшек. Высокий блондин лет двадцати семи, с широкими плечами, хорошо посаженной головой и голливудским оскалом. Встретившись с Владом, майор мгновенно понял, почему отец отправил парня на «стажировку» к Львовой: Владислава Иванцова легко представить в толпе избирателей – сияя открытой улыбкой, он пожимает руки и раздает авансы и автографы. Парень рожден для политики и, вероятно, это понимает. Улыбка намертво приклеилась к смазливому лицу.

На следователя она, впрочем, не действовала, вызвала противоположную реакцию – Гуцина в принципе раздражал любой переизбыток, он приторности не любил, предпочитал горчинку. Но водопадное обаяние депутатского помощника отметил и понял, что его отец был прав, когда не стал закапывать врожденный талант сына, а помог ему с карьерой. Помимо внешних данных Влад обладал еще и чутьем: он быстро почувствовал, что Гуцин не слишком-то доволен навязанной поездкой, смирил лучезарное давление и поменял тактику. Поймал волну майора, перенастроился и стал деловито хмурым.

– Спасибо, Станислав Петрович, что согласились на предложение Евгении Сергеевны. Она действительно взволнована. Я слышал о вас как об отличном следователе...

«Ты мне еще орден от лица папаши предложи!» – мысленно вскипел Гущин и оборвал помощника:

– Владислав, а откуда вы так много знаете о деле Водяного?

Интонационно Гущин дал понять мажору, что тот подставил папу. Да и себя, возможно. Болтун – находка для шпионов и в политических играх. Тому, кто не умеет держать язык за зубами, в высших эшелонах места нет.

Влад суть интонации расшифровал верно, осекся на полуслове и некоторое время ехал молча.

– Я понимаю, что виноват, – сказал, догадавшись, что следовало загодя покаяться. – Тайна следствия и все такое. Но события развивались стремительно, все как-то случайно вышло...

«Случайно» к папе Владика заглянул на шашлыки стародавний школьный друг, нынче судебный медик. Приехал, как назло, с вскрытия шестой жертвы Водяного, очень уставший. Немного выпил, снял усталость и разоткровенничался со старым другом. Поделился последними новостями, сказал, что продолжилась прошлогодняя серия убийств девушек-блондинок...

Мужчины, как из оправданий Влада понял Гущин, разговаривали приватно. Отошли от стола перекурить, сынишка увязался следом и стал невольным свидетелем беседы. Тот разговор и всплыл в памяти Владислава, когда к Львовым пришел следователь Мартынов с расспросами о погибшей горничной: когда она от них вышла и все прочее.

– Евгения Сергеевна поинтересовалась, как погибла Лариса! – горячо повествовал болтун. – Следователь сказал, что тело нашли у плотины, девушка была задушена. Ну я и... вставил свои пять копеек. – Владик покаянно вздохнул. – Спросил, а не было ли на ее шее нескольких порезов.

– Зачем спросил? – хмуро буркнул Гущин.

– А пес его знает. Я спросил, Мартынов отреагировал точно так же, как и вы, а Евгения Сергеевна позже уцепилась за оговорку. – Влад огорченно скуксился: – Знали бы вы, как Евгения Сергеевна умеет вытащить все, что ей нужно.

– Понятно. – Станислав поерзал по сиденью. История «находки для шпиона», оказалось, развивалась не совсем так, как интерпретировал ее Коростылев. Влад вроде бы и сам прилично пострадал от неловко брякнутого слова. Он лишь упомянул о порезах, а дальше все пошло-поехало само собой. – По заливку от папы получил? – вполне миролюбиво поинтересовался Стас. – В следующий раз умнее будешь.

– Вот уж не надо мне следующего раза! Одного хватило за глаза.

Возможно, обаяние помощника все-таки подействовало, возможно, искреннее огорчение вызвало толику сочувствия, как бы там ни было, майор позволил себе чуть оттаять. Посчитал, что ни к чему глядеть на парня букой, неглупого и ловкого помощника предпочтительно иметь в союзниках.

– А скажи-ка мне, Владислав, почему Евгения Сергеевна не захотела увезти семью из Игнатово?

– Спросите об этом лучше ее саму, – с кислой миной увильнул Иванцов.

«А мы, оказывается, быстро учимся. Или промашка с оговоркой действительно лишь единичный случай».

– Ну хорошо, – пошел на попятную сыщик. – А как ты думаешь, Евгения Сергеевна могла заподозрить кого-то из односельчан, соседей? Маньяк орудует на большой территории, а она вот меня вызвала. Трудно поверить, что это просто взбалмошность. – Помощник не ответил,

и майор продолжил мягко настаивать: – Мне важно знать твое мнение, Влад, ты знаешь обстановку и свою наставницу. Или у тебя нет собственного мнения?

Собеседник был слишком умен, чтобы попасться на простейшую наживку. Покачивая головой, он изобразил лицом «грубовато действуете, господин майор», но все-таки ответил:

– Евгения Сергеевна никогда и ничего не делает просто так. По *взбалмошности*. – Последнее слово парень выделил.

«Туше, – подумал сыщик. – Кажется, мне продемонстрировали, что за наставницу – в огонь и в воду, и намекнули на мою приверженность к шаблонным подходам». Ситуация начала забавлять майора. Влад, вначале показавшийся ненатуральным и киношно-голливудским, довольно быстро превратился в русскую матрешку. В лакированный сюрприз с начинками.

– Влад, я читал твои свидетельские показания о вечере, когда Ларису в последний раз видели живой. Там не упоминалось, почему ты тогда оказался дома у Львовых. Дума на каникулах...

– А я должен отираться на курортах, – закончил Иванцов. – Пить шампанское на яхтах. Так?

«Меня что, второй раз за тридцать секунд на штампах подловили?! – изумился следователь. – Теряю я сноровку, ох теряю... Прав Николаевич, без дела человек тупеет».

– Семья Евгении Сергеевны тогда вернулась из Испании, – объяснял Влад, – меня пригласили на барбекю, а заодно я привез кое-какие бумаги на подпись.

– Ты часто остаешься ночевать у Львовых?

– В тот день я выпил.

Коротко. Доходчиво. Без ненужных пошлых разъяснений. Помощник депутата не садится выпившим за руль, не подставляет патронессу и папашу, не козыряет корочкой перед гаишниками. Со всех сторон положительный персонаж!

Если б не промашка с Водяным... Едва дело перестало касаться маньяка как оплошности, Влад прекратил изображать раскаявшегося пустомелю и лакированная матрешка захлопнулась, закрылась напрочь. Потенциальный слуга народа снова стал тем, кем, по сути, и являлся: знающим себе цену отлично образованным молодым человеком. С хорошим светлым будущим и такими же мозгами, позволяющими быстро реагировать.

– А расскажи-ка мне, Влад, все, что знаешь об Игнатово, – усаживаясь поудобнее, предложил майор. – Что за народ там обитает?

– Изволь. – Владислав тоже перешел на «ты», и беседа пошла живее, поскольку речь перестала касаться непосредственно начальницы.

* * *

Пятидесятикилометровый отрезок от МКАД до поворота на Игнатово за разговорами пролетел незаметно. Влад, разумеется, был превосходным рассказчиком, он многое подмечал и умел это преподнести – с юмором или достоверностью, – опираясь не только на личные впечатления, но и на факты либо слова людей, знавших более его.

Стас понимал, что вызывать в людях симпатию – природный дар Владислава Иванцова, но ничего не мог поделать, постепенно поддавался. Подружиться с ним Гушин, совершенно точно, никогда не смог бы. У майора, когда при нем произносили «молодой человек» и добавляли «ловкий», «приятный» или «милый», во рту невольно появлялся тошнотворно-сладкий привкус. Когда-то Стас поморщился при упоминании «приличного молодого человека из хорошей семьи», и мама ехидно его отбрила:

– Завидуй незаметно, сын.

Игнатово встретило джип процессией. По обочине дороги шел щуплый кривоногий мужичок в трениках, майке-«алкоголичке» и шлепанцах. Катил перед собой садовую тележку, в которой, предъявляя небу могучее, оплывающее по бокам пузо, пребывал в анабиозе субъект еще более примечательный. Одетый примерно по такой же моде за минусом шлепанцев, он очнулся от звука мотора, обратил небритое лицо к подъезжающей машине и сделал неприличный жест, ударив кулаком по согнутому локтю. Джип еще и мимо не проехал, а абориген опять ушел в nirvanу. Откинул голову назад и отключился.

Мужичок-носильщик эту голову бережно поправил, чтобы не терлась ухом о ручку тележки, и покатился дальше.

– Дружно живут, – обернувшись на процессию, сворачивающую ко второму от околицы дому, пробормотал Станислав. – В тележке, как я понимаю, Федор Редькин? Тот самый, что минимум лет десять лишних на свободе гуляет?

По дороге Влад уделил достаточно внимания персоне Феди, живущего почти напротив Львовых. Причем, как показалось Станиславу, внимание было уделено с определенной целью: на примере главного деревенского дебошира помощник высветил бесконечную доброту своей начальницы: Влад несколько раз предлагал Евгении Сергеевне избавиться от соседства беспробудного скандалиста – и поводы случались, и связи подключать не надо, достаточно участкового в деревню привезти. Но Львова всегда вступалась за соседа. Чего Влад, по его признанию, искренне не понимал. «Крайне мерзопакостное существо, – припечатал Редькина. – Просто Шариков какой-то, Клим Чугункин! – И, хорошо копируя голос профессора Преображенского из фильма «Собачье сердце», добавил: – Живет же на свете эдакая изумительная дрянь».

Пока перед джипом медленно распахивались автоматические ворота чугунного литья, Гуцин обернулся назад и поглядел, как левее, на другой стороне улицы, тип в трениках протаскивает садовую тележку в приоткрытые покосившиеся ворота. Разбросанные в разные стороны ноги Феди цепляются за створки, на воротах давно облупилась синяя краска, и наружу выступил прежний зеленый цвет. Сквозь зеленый кое-где проглядывал и более древний слой – песочно-бежевый, отчего ворота получались пятнистыми, похожими на камуфляж спецназовца.

Устав возиться с упрямыми ногами Феди (в просторечии Федула), «носильщик» попросту вывалил его на землю и уже волоком втащил во двор.

– Дружно живут, – повторил майор и, сев прямо, поглядел на пришипленную над чугунными воротами камеру наружного видеонаблюдения.

Приглядевшись к ограде, обнаружил еще две камеры на углах кирпичного забора и недовольно поморщился. По сути дела, все эти камеры – проформа, фикция. В дороге Гуцин расспросил о тутошней охранной системе и узнал, что с противоположной стороны участок практически не огорожен: Львовы захотели получить хороший вид на реку, от берега их ограждал прозрачный забор из железных колец.

Ворота распахнулись настезь, джип с неторопливой величавостью пополз по плиточной дорожке к крыльцу. И Стас, немного наклоняя голову, оглядел жилище.

Ничего себе домишко. На подклете из гранитного булыжника возвышались два желтых оштукатуренных этажа с мансардой под зеленой крышей. Форму дом имел простецкую, четырехугольную. Крыльцо, переходящее в веранду, окольцевавшую дом, производило впечатление: из-за подклета оно получилось весьма высоким, с десятью деревянными ступенями, накрытыми длинным деревянным козырьком. С козырька и крыши веранды свисали совершенно изумительные деревянные кружева. Выполненные, вероятно, этим же умельцем-столяром балясины, покрытые темной морилкой, напоминали шахматные фигуры. На веранде – простенькие «деревенские» лавочки с несколькими подушками и пледом, повисшим на подлокотнике. По крыльцу навстречу джипу спускалась хозяйка, Евгения Сергеевна.

Из бесед и Интернета Гуцин постарался узнать о депутате Думы максимально много. И еще по фотографиям понял, что на пятьдесят два года «львица» никак не тянет. Невысокая сухощавая блондинка с короткой стильной стрижкой выглядела на сорок пять, не больше. Сейчас же, глядя, как она легко сбегает по крыльцу, Стас скостил ей еще пару лет. Вероятно, издали Львова вообще выглядит ровесницей-подружкой старшей дочери Янины.

Следом за мамой из дома выбежала девочка-подросток с блестящими, словно сноп соломы, волосами, стянутыми в конский хвост резинкой. Поглядев на миниатюрную девчонку с острыми коленками, майор заподозрил, что в породе Евгении Сергеевны все женщины поздно созревают: навскидку Ане можно было дать лет четырнадцать, а то и меньше. Гуцин достаточно повидал шестнадцатилетних девочек, выглядевших даже не студентками, а замужними матронами. Анечка в сравнении с ними – недооформившийся цыпленок с длинными ногами.

Джип подрулил к крыльцу, Владислав выпрыгнул из салона, приветствуя хозяек оскалом во все зубы.

Гуцин, пока помощник отвлекал на себя внимание, принялся осторожно выползать на землю. За два часа поездки по московским пробкам и автостраде раненое колено затекло и теперь отказывалось двигаться. Постаравшись принять убедительно вертикальное положение прежде, чем Влад перестанет прикрывать спиной его черепашье выползание, Гуцин нашарил у сиденья трость...

– Здравствуйте, Станислав Петрович! – услышал хорошо поставленный звонкий голос депутатки.

Майор развернулся на одной ноге, поставил трость на землю и, приняв-таки устойчивое положение, ответно поздоровался:

– Здравствуйте, Евгения Сергеевна. Анна, – легонько поклонился ее младшей дочери.

Львова прищурила зеленые глаза и поглядела на чуть согнутое левое колено сыщика.

– Очень рада вас видеть, Станислав Петрович. Хорошо добрались? Нога не сильно разболелась?

– Не сильно, – обманул майор.

– Может быть, присядете? – Львова показала рукой на скамейку, прятавшуюся от солнца в тени дома.

– Ну так я вроде в дороге насиделся. Не беспокойтесь, пожалуйста.

Из машины донесся протяжный собачий вскрик. Умаявшаяся в дороге Заноза очнулась и решила о себе напомнить.

– Минуточку, – пробормотал майор.

Стараясь несильно наступать на левую ногу, подобрался к пассажирской двери. Открыл ее настежь и предложил собаке выпрыгнуть на улицу.

Но Маргаритовна еще страдала. Ее ушастая голова продолжала покачиваться, как будто машину все еще трясло. На призыв Гуцина спрыгнуть на землю такса не отреагировала, а, громко икнув, печально поглядела на хозяина: «Возьми меня на ручки, а?»

Стас пристроил трость под мышкой, сгреб Занозу с сиденья и, неловко подпрыгивая, развернулся. Печальная собака висела на его руках тряпичной куклой и икала, Гуцин погладил фон Занозу между болтающихся ушей...

От ворот раздался тихий смех. Следовательно поглядел туда...

На плиточной дорожке за джипом стояла девушка в черных шортах и желтом топике на тонюсеньких бретельках. Зажимая рот рукой, она старалась усмирить рвущийся из горла хохот. Причем смотрела она не на Гуцина с собакой, а на сестру и маму. Переводила выпученные сдерживаемым хохотом глаза с одной на другую и буквально давилась смехом.

Нет, безусловно, Гуцин понимал, что солидный мужчина с первой сединой на висках и тростью выглядит фривольно с крохотной собачкой на руках. Но чтобы это вызывало приступ дикого хохота у московской барышни?.. Представить невозможно. По улицам столицы

гуляют и более примечательные персонажи с безволосыми ушастыми «занозами» на руках. У тех собачьих недоразумений даже сережки в ушках и коготки подкрашены. Одежка от-кутюр.

В общем, чувствуя себя весьма нелепо, Станислав Петрович растерянно поглядел на Львову и увидел, как та, на секунду потеряв дар речи и попытавшись взглядом дать приказ дочери утихомириться, внезапно рассмеялась тоже.

Через секунду рядом с мамой хохотала уже и младшенькая. Смех слабым твяканьем поддерживала предательница Заноза.

А это уже ни в какие ворота! Гуцин прямо-таки не знал, как себя повести. Сделать вид, будто ему все по барабану или неприятно осерчать? Заливисто расхохотаться вместе с дамами все равно не получится, в майоре закипало возмущение. И Влад ничем помочь не мог, он тоже ничего не понимал, растерянно глядел на хохочущих хозяек, его брови недоуменно уползали под длинную растрепанную челку.

Первой взяла себя в руки Евгения Сергеевна:

– Простите нас, Станислав Петрович. Девчонки, цыц!

Дочери, борясь со смехом, постарались вытянуться, но согнулись снова, так как животы уже совсем свело. И мама вновь прикрикнула:

– Успокойтесь, я сказала! Станислав Петрович, – обратилась к гостю, – пойдёмте, пожалуйста, со мной, вы сами все увидите и поймете. Мы не хотели вас обидеть. Правда. – Прежде чем повернуться спиной к прыскающим дочерям, Львова мазнула строгим взглядом по обеим, и смех наконец утих. – Влад, будь добр, возьми вещи Станислава Петровича и отнеси их в гостевой домик. Пойдёмте, Станислав Петрович.

Львова первой пошагала по дорожке, ведущей в обход дома. Майор двинулся за ней, и к нему тут же, как ни в чем не бывало, подскочила Аня. Протянула руки к оживающей Занозе:

– А можно я ее понесу? Пожалуйста! Ну, пожалуйста...

Все еще слегка сердитый Гуцин переложил фон Маргаритовну на вытянутые руки девочки и поковылял живее. С каждым шагом колену возвращалась гибкость, во внутренний двор поместья следователь вышел уже довольно резво.

Но, выйдя, ненадолго замер: открылся совершенно завораживающий вид на реку. С высоким песчаным берегом и противоположным, сплошь заросшим пышными раkitами. Раkitы колыхали серебристо-зелеными ветвями, отчего берег казался покрытым легкой, нереальной изморозью. Сквозь промежутки в листве виднелся протяженный луг, вздымающийся пригорком. На пригорке паслись пятнистые коровы.

Вышедший из-за угла дома Влад наткнулся на спину замершего майора и с пониманием проговорил:

– Красиво, правда?

– Очень.

Владислав обогнул Гуцина, следом за ним бочком прошла Янина и, задержавшись на секунду, прошептала:

– Прости меня, пожалуйста. Честное слово, я не хотела.

Отмякший сердцем от красот майор кивнул и двинулся за девушкой. Евгения Сергеевна уже входила в гостевой дом, оказавшийся бревенчатой избушкой в один этаж с жилой мансардой. Домик выглядел симпатично, аккуратно и немного сказочно. Если бы под ним имелись куриные лапки, то вовсе походил бы на жилище современной Бабы-яги. О современности напоминала тарелка спутникового телевидения, краем выглядывавшая из-за угла.

Поднявшись по невысокому крыльцу, Гуцин обратил внимание, что хозяйки и Иванцов скинули здесь уличную обувь, прошли в дом босиком. Стас быстро сбросил с ног сандалии и шагнул в небольшую, устеленную мягким бордовым ковролином прихожую. Все сгрудились именно там, возле нескольких вместительных собачьих мисок, выставленных на подстеленный

кусочек линолеума. Аня наклонилась, поставила между блестящими новенькими посудинами Занозу...

В любой из этих мисок фон Маргаритовну можно было искупать. В самой глубокой так даже утопить.

– Мы сегодня все утро обсуждали, как принять гостя с собакой, – пытаюсь сдерживать улыбку, заговорила Львова. – Янина и Аня даже в город съездили, посуду привезли. Не удержались, корм купили и игрушки. – Евгения Сергеевна перевела взгляд на обувную полку с тапками, где пристроился огромный мешок с собачьим сухпайком и несколько весьма деликатесных банок. Мешок и банки украшали фотографии развеселых сенбернаров, между пакетом и полукилограммовыми банками лежала кость. Игрушечная. Но вряд ли она будет по зубам фон Маргаритовне. У тумбы прикорнул немаленьких размеров пупырчатый ультрамариновый мячик, слегка превосходивший высотой сидящую Занозу.

Стас прикрыл глаза, наклонил голову и нажал кулаком на лоб. Не улыбнуться невозможно. Мама и дочери все утро обсуждали, как лучше встретить сыщика с собакой. Готовились. Игрушки, провиант и миски закупали. Нешуточных размеров, поскольку род занятий Гущина у них монтировался с чем-то крупногабаритным: сенбернаром, розыскной овчаркой, доберманом, ротвейлером...

А тут – нате вам, Стас Петрович пожаловали-с. С вялой полубморочной Занозой на руках.

Действительно, есть от чего расхохотаться. Мистер Коломбо без традиционного плаща, но все-таки с собакой.

Станислав поднял голову и посмотрел на чуть смущенную хозяйку:

– Надо было вас предупредить, что я приеду с таксой.

– Не сердитесь? – улыбнувшись, спросила депутатка. – Мои девочки так любят собак, но из-за аллергии Ани мы не могли их держать...

– У Ани аллергия на собак? – напрягся гость.

– Была, – кивнула Львова. – Но к четырнадцати годам она либо прошла, либо затихла, так что нам будет даже интересно отследить реакцию Анечки на вашу очаровательную таксу. Тем более что сейчас каникулы и времени на проверку достаточно. Правда, Ньюрок?

Девочка, сидящая на корточках перед Маргаритовной, подняла к маме сияющее лицо:

– Да, это будет здорово! У меня собака... То есть... – осеклась и поправилась: – У нас в гостях будет такая замечательная собака!

Ситуация становилась совершенно ясной. Собаку здесь ждали едва ли не больше сыщика, вероятно, разговоры о ней все утро выступали гвоздем программы. В зоомагазине сестры головы ломали над покупками, Аня волновалась и прикидывала, чем бы сыщицкой псине угодить.

– А как ее зовут? – любясь замечательной Занозой, спросила девочка.

– Ах да, – опомнился майор. – Прошу любить и жаловать, Зоя фон Маргаритовна. Откликается также на Занозу и просто Зойку.

– Зоенька, – погладила таксу по спинке Аня. – Зоенька, хорошая...

Как известно, животные необыкновенно способствуют коммуникации, позволяя незнакомым людям быстро находить общий язык, и подбрасывают темы для беседы. Так получилось и сегодня, сыщик мысленно поблагодарил небеса за подброшенную идею прихватить сюда собаку.

Оставив Аню и Занозу в прихожей, где девочка уже разминала ложечкой в самой мелкой миске крупноватый влажный корм из банки, Евгения Сергеевна провела гостя в небольшую спальню с окном, выходящим на реку. Владислав занес туда же сумки сыщика, поставил их на длинную тумбу с телевизором. Янина подошла к окну и во всю ширь откинула шторы. Попра-

вила вазу с букетом полевых цветов, стоящую на круглом столике с приставленным к нему мягким стулом.

– Обычно здесь ночует Влад, – сказала Львова. – Мы попросили его немного пожить у нас... Думаю, вы понимаете, почему. Влад переедет в мансарду, вам ведь неловко подниматься по лестнице, так?

Иванцов лучезарно улыбнулся и достал из прикроватной тумбочки какую-то одежду. Похоже, комплект белья для сна – белые трикотажные шорты и футболка, – который хозяйки деликатно не стали трогать.

– Удобства возле кухни, – продолжала экскурсионную беседу Львова. – Но там все просто, вы и сами разберетесь...

– Я разберусь, – пообещал майор.

Евгения Сергеевна поняла его слова как намек, что гость хочет остаться один.

– Отлично. Разместитесь, приходите к нам, скоро будем ужинать. Дима позвонил с работы, сказал, что выезжает... – Уже в дверях хозяйка развернулась: – Забыла спросить. Вы против запеченной на мангале рыбы не возражаете?

– Евгения Сергеевна, к чему такие церемонии? Я ем все. Как и моя собака.

– А никаких церемоний, Станислав Петрович, – приветливо улыбнулась депутатка. – Мы здесь каждый вечер разводим мангал, пользуемся жизнью на природе.

Едва за хозяйками и помощником закрылась дверь, Гуцин тяжело опустился на низко-ватую кровать и уставился в окно, предупредительно расшторенное депутатской дочерью.

«Ну надо же, как все здесь обернулось», – обескураженно подумал Стас.

Нет, безусловно, в прессе говорилось о Львовой как об открытой и приятной женщине. Но Гуцин писанине о слугах народа не слишком доверял. Ему случилось встретиться с одним хваленным «радетелем-заступником», тот оказался редкой сволочью и снобом.

Правда, пьяным. А протрезвев, слуга народа примчался извиняться.

Но с Львовой как-то... перебор. Встретила как родного, и это не фигура речи. Стас и впрямь почувствовал себя своим среди чужих людей.

«Такого не бывает, – подумал сыщик. – Какой-то здесь подвох».

Гуцин, спору нет, был не обычным следаком, а сыщиком московским, он повидал достаточно авторитетных персонажей. Но Львова оказалась чересчур примерной, показательной. Без колких швов и грубых стачек, естественной навзрыд.

«Такое все-таки случается, – спросил себя майор, – чтобы влиятельная дама не забронзовела?»

Занятный перевертыш. Что есть на самом деле, покажет только время. Спектакль о вдрызг положительном политике мог быть рассчитан и на дочерей.

Гуцин дотянулся до сумки с вещами на тумбе и, переложив ее на кровать, раскрыл. Из прихожей раздался просительный голос Анечки:

– А можно мы с Зоей Маргаритовной погуляем?

– Можно! – крикнул Гуцин. – Только поводок возьмите.

В дверь просунулось очаровательное личико в конопушках:

– Я зайду?

– Конечно. Вещи Занозы в зеленой сумке. Кстати, там же корм и миски. – Следователь улыбнулся. – И мячик есть.

* * *

Когда через двадцать минут умывшийся с дороги сыщик вышел на крыльцо избушки, то увидел, что любимый Зойкин мячик валяется в траве, а Маргаритовна гоняет по газону лбом огромный мяч в пупырышках. И веселится от души.

Вокруг Занозы скачет Аня, ее старшая сестра сидит на траве, расслабленно подставив уползающему за лес вечернему солнцу лицо с закрытыми глазами. И улыбается, поскольку слышит смех сестренки.

По участку уже витает запах поджаривающейся на мангале рыбы. Из-за угла дома струится легкий дымок. В шезлонге на веранде дома сидит Влад. Что-то в лице Иванцова заставило майора проверить, куда направлен его взгляд...

«Обаньки, – мгновенно вспыхнула догадка. – А мы, оказывается, влюблены!»

Не нужно быть отменным умником, чтобы, застав мужчину зачарованно смотрящим на девушку, не уловить его настрой. Так смотрят лишь влюбленные, причем, пожалуй, безответно, поскольку грусть-печаль присутствует. И это ясно каждому мужчине, хоть раз попадавшему в подобный переplet. Рыбак рыбака, как говорится, всегда увидит и поймет.

«А это значит, – Стас мгновенно произвел реконструкцию недавних событий, – все окончательно раскладывается по полкам». Вопросы «почему?», «как получилось?» изъяты из употребления. Услышав об убийстве горничной, влюбленный парень стал переживать за девушку, потерял голову и разболтался – паники добавил. Страх за Янину подчистую вымел остальные доводы.

И этим, надо сказать, начинающий политик заработал у майора лишний балл. Любовь заставляет людей совершать безрассудные поступки, в стремлении защитить любимую девушку греха и вовсе нет.

Сняв некоторые вопросы, сыщик поглядел на предмет, послуживший причиной переполоха в высоких кабинетах. Прежде Янину он особенно не разглядывал. (А если говорить начистоту, Гуцин не смотрел на девушку принципиально. Вначале старшая дочь Львовой вызвала у него глухое раздражение, замешанное на досаде. Кому понравится, когда в лицо хохочут при знакомстве?) Сейчас сыщик постарался отринуть первое впечатление и присмотрелся к девушке внимательнее: а есть ли там от чего страдать мажору?

И получилось – есть. Расслабленное лицо Янины можно признать канонически красивым. Правильный аккуратный носик, высокие славянские скулы, с затылка отклоненной назад головы до земли коса свисает – шелковистая, лоснящаяся. И сложена девушка великолепно. Рост метр шестьдесят пять...

«Стоп! – оборвал размышления майор, поймав себя на том, что начинает систематизировать внешние данные депутатской дочери, как будто составляет портрет преступника. – Еще размер ступни и вес прикинь!»

Расстроившись и обругав себя за невозможность оставаться штатским, Гуцин подхватил трость и принялся спускаться по крыльцу.

Заноза, что удивительно, на появление хозяина абсолютно не отреагировала. В тот момент ультрамариновый мячик закатился в угол, где обнаружилась кротовая нора. Громко твякнув, Маргаритовна взвилась в воздух и буквально вонзилась носом в рыхлую земляную горку. Вверх полетели ошметки газонного дерна и комья земли.

«Ну вот, – подумал Гуцин. – Теперь придется мыть не только лапы, но и всю Занозу».

А впрочем, бог с ним. Тазиков – навалом. Добровольная помощница имеется. Не жизнь – курорт. Сейчас еще накормят рыбой. Судя по ароматам, дюже вкусной.

Повеселевший сыщик двинулся на дым и запах, повернул за угол дома и обнаружил там сразу две беседки. Одна была обеденной, просторной. Вторая – летняя кухня с печкой-мангалом, возле которой суежилась госпожа депутат Государственной думы. В цветастом фартуке и огнеупорной рукавице, ловко работая двумя лопатками, переворачивала речную форель.

– Помощь нужна? – обращая на себя внимание, предложил майор.

– Спасибо, управлюсь, – смахивая со лба налипшую прядку волос, улыбнулась Львова. – Присаживайтесь, Станислав Петрович. Выпить хотите? Есть хорошее вино, мне, кстати, можете тоже плеснуть...

Гущин обернулся к обеденной беседке, где на длинном деревянном столе со скобленной столешницей уже стояли столовые приборы, большая тарелка с грудой нарезанных овощей и пучком разнообразной зелени. Ковыляя к угловому столику с напитками, сыщик бросил на ходу:

– И как вы все успеваете, Евгения Сергеевна?

– Во-первых, – поправляя рыбий хвост и оставаясь к Гущину спиной, сказала депутатка, – у меня есть две помощницы. Это сейчас они собакой заняты, а так всегда на подхвате. Во-вторых, – Львова развернулась, – мне в радость эта суета. Люблю готовить, люблю стол накрывать и встречать гостей, но времени обычно не хватает.

Следователь налил в два бокала белого сухого вина. Львова подошла к беседке и взяла протянутый через перила бокал, не заставляя сыщика хромать лишний десяток метров. Гущин пригубил вина и похвалил не только его:

– Как хорошо-то, а! Река, лес... территория у вас огромная.

– Так это же не дача от профкома. Здесь когда-то стояли дома родителей Димы и его двоюродной тети, лужайка была их совместным картофельным полем.

– Хорошо, что вы сохранили старые плодовые деревья по периметру.

– Мне самой нравится.

– Именно поэтому вы не захотели увозить дочерей отсюда?

Переход от радостей пейзажной жизни получился резковатым. Но Гущин приехал не природой любоваться, и Львова должна быть готова к подобным вопросам, раз пригласила следователя в свой дом.

– Не только. – Евгения медленно покачала головой. – В марте, на дне рождения Анны, я поклялась, что этот отпуск проведу с ней здесь.

Сыщик поднял брови, и Львова пришлось дать более развернутый ответ. Рассказать о том, как сильно дочь по ней скучает. Что несколько лет подряд она давала обещание: «Весь август, Аня, я буду принадлежать только тебе, забуду о делах и проведу месяц в Игнатово».

Но каждый раз мама-депутат срывалась, как запойный трудоголик. Находились неотложные дела, обязательства перед другими людьми...

Короче, в марте этого года Аня попросила на день рождения один-единственный подарок. Не обещание, а клятву: мама проведет конец лета с ней в Игнатово. И когда неподалеку от деревни убили их помощницу по хозяйству Ларису, а мама начала настаивать на отъезде на любой выбранный дочками курорт, Аня увидела в этом лишь очередную отговорку.

– У девочки сложный возраст, – оправдывая упрямство дочери, говорила Львова. – Я сделала все, что смогла, но Аню еще и Яна поддержала. Сказала: «Мам, мы все равно никуда не ходим, гуляем только возле дома или по деревне. Я за Нюрой присмотрю». Ну я и согласилась. Думаете, зря? – Евгения Сергеевна просительно поглядела на майора, как бы ища одобрения и поддержки.

Но что мог ей ответить Гущин? Поработав этим утром с материалами, нарытыми Мартыновым, майор уяснил, что раньше жертвы Водяного пропадали в разных районах Подмосковья и столицы. Прежде убийца охотился на огромной территории, Лариса первая, кто жил поблизости от реки, куда он сбросил уже пять трупов. Водяной, по мнению Мартынова, обнаглел от безнаказанности, раз начал стягивать радиус к определенному району, и утешить Львову нечем. Абсолютно. Убийца действительно мог охотиться поблизости.

Евгения Сергеевна молчала, ждала ответа.

– Не знаю, – честно сказал следователь. – Право слово, не знаю.

– У вас есть дети?

– Есть. У меня необыкновенно мудрый семнадцатилетний сын.

Львова нахмурилась, и сыщик понял, что в его словах Евгения увидела намек на то, что у нее необычайно глупые строптивые девчонки.

– Простите, – быстро поправился Стас. – Я сказал о сыне так, как привык. Это, по правде говоря, мой дежурный ответ.

– А ваша жена, простите, где? Она не обиделась, что вы уехали за город и бросили ее одну?

– Марина больше не может на меня сердиться, хотя у нас и сложные отношения. Бывшая жена и сын живут отдельно.

Упоминая об отношениях с Мариной как о сложных, Гущин сильно приуменьшил правду: семейная жизнь Гуциных напоминала непрерывные фронтовые действия, ведущиеся исключительно односторонне. Майор с трудом удерживал оборону, в последние годы у него сложилось мнение, будто мозг Марины занят исключительно одним: поиском, на чем сорваться. И в этом она была до изумления изобретательна. Сегодня раздражение мог вызвать поздний приход мужа домой, на завтра – ранний: «Есть нечего, я не успела приготовить, я тебе не домработница и не кухарка...»

Действительно. Не домработница, кухарка – отвратительная. Зато юрист – на загляденье. Марина принимала решения спонтанно, быстро, ее дико раздражала манера Гущина думать, прежде чем ответить.

Стас же считал, что у жены язык опережает мозги. Ее решения зачастую оборачивались пшиком и конфузом, но если брать юриспруденцию отдельно, то тут интуиция Маринки как-то срабатывала. Или везло пока.

В общем, если штампы применить: страсти накалялись, непонимание росло. О том, как сказываются родительские разборки на Арсении, Стас почему-то не думал. Считал, что из-за сына стерпит все, ребенок должен расти в полной семье.

Но однажды, после очередного громкого скандала, когда Гущин сидел на кухне и тискал в руках чашку с остывшим чаем, туда зашел Арсений. Сел на табурет напротив папы, поставил локти на столешницу и бескомпромиссно выдал:

– Наша мама – энергетический вампир.

Стас поднял голову и пораженно поглядел на четырнадцатилетнего подростка.

– И вот чего я, батя, не понимаю... Ну ладно я. Родителей не выбирают, мне с мамой пожизненно мучиться. Но ты-то что? Тебя что держит?! Хлопни дверь, наори, ты же нормальный мужик!

«Нормальный мужик» Гущин понимал, что в сыне говорит юношеский максимализм, категоричность и невозможность разглядеть полутона. А возможно, сказывались мамины гены, сын тоже умел отрубить сплеча. Но мог и семь раз примериться, как папа. Гущин считал, что сыну повезло: от каждого из родителей он взял их лучшие качества.

Но в целом Арсений был прав, а от полутонов, по сути дела, ничего уже и не осталось. Тем же вечером Стас собрал вещи и переехал к маме.

...О семейном фиаско Стас поведал Львовой в нескольких корректных фразах, упомянул о сыне:

– В этом году Арсений поступил в военное летное училище. Он у меня огромный молодец. Самостоятельный.

– А мои из меня веревки вьют, – с усмешкой призналась депутатка. – Дима им вообще ни в чем отказать не может. Но, впрочем, девочки многого не просят, не избалованные. Нюра вообще ангельски послушная.

«Возможно, так и есть», – подумал Гущин. В его присутствии Аня еще ни разу не совершила ничего, не попросив у взрослых разрешения.

Пригубив вина, майор поинтересовался:

– А каков сын вашего мужа от первого брака, Михаил?

Станислав не собирался скрывать, что наводил справки о близких Львовой.

– Миша очень хороший парень. – Евгения Сергеевна махнула рукой на недалекий забор из сетки-рабицы, отделявший их участок от соседского. – Они живут вон там.

В том, что бывшие супруги Дмитрий и Анфиса жили по соседству, не было ничего сверх-странного. Они здесь родились, все детство вместе провели, считались первой парой на деревне и поженились сразу после школы. Анфиса ждала мужа из армии и воспитывала первенца, названного в честь деда Михаилом. (Все это Стасу сообщил Иванцов, пожелавший оградить начальницу от лишних расспросов.) Второй супруг Анфисы и по сей день лучший друг Львова: Анфиса, Глеб и Дмитрий с детства были неразлучной троицей, оба пацана ухаживали за подружкой, но та предпочла последнего. А после развода обратила взор на верного поклонника.

Словом, куда там «Санта-Барбаре». Кутерьма из нынешних и бывших. Янина, как знал сыщик, тоже была дочерью Евгении от первого брака, но отличие все-таки имелось: к встрече с супругом номер два Женя Истомина была уже вдовой. И профессионально въедливому Гущину очень бы хотелось задать парочку вопросов. Уведя мужа из семьи, испытывает ли Евгения неловкость перед соседкой? И как они тут в принципе умудряются дружить новыми семьями?! Но данные вопросы к безопасности депутата Госдумы не относились, и Станислав помалкивал.

Тем более что Евгения и сама о первой жене мужа заговорила:

– Анфиса исключительная женщина. Десять лет назад у нее обнаружили саркому, отняли правую ногу до бедра. Но она со всем справляется. – Львова замолчала, прищурившись на крышу соседского дома. И после паузы произнесла: – Я многому от Анфисы научилась. Правда.

– И чему вас можно было научить? – искренне заинтересовался Гущин.

– Терпению. Мудрости. Стойкости. – Улыбнувшись сыщику, Евгения вышла из беседки и принялась снимать с мангала готовую рыбу. – Сегодня вы познакомитесь с нашими соседями, Станислав Петрович. У нас здесь все запросто: мангал дымит, значит, мы дома и можно в гости приходиться.

«Высокие отношения», – задумчиво покусывая дольку огурца, одобрил простецкие нравы нынешних и бывших сыщик.

За выходящим на улицу забором раздался гудок автомобильного клаксона – Дмитрий Михайлович предупреждал семью о возвращении с работы. Евгения, обтирая руки о фартук, побежала встречать мужа.

Майор следом не поковылял, подойдя к снятой с решеток форели, голодный сыщик, не утерпев, отщипнул симпатичный поджаренный плавничок.

Рыская по Интернету, Гущин нашел несколько совместных снимков Евгении и Дмитрия Львовых: Михайлович в костюме и при галстукке, мадам на каблуках, с высоко взбитой прической. Разница в росте и габаритах получалась почти неощутимой.

Сегодня, встретившись воочию, Стас первым делом отметил, что депутатка становится совсем крошечной на фоне по-медвежьи огромного супруга. Когда Евгения знакомила мужа с гостем, ее плечо практически упряталось под его широкой лапищей, макушка уткнулась в его подбородок.

В какой-то момент, уже сидя за столом, Гущин поймал себя на мысли, что неверно сформулировал вопрос о местной «Санта-Барбаре». Полчаса назад он втихомолку подумывал о том, как они здесь все уживаются. Но вопрос, как получилось, следовало ставить и вовсе кардинально: как сами Львовы в принципе умудрились полюбить друг друга?! Чем привлек интеллигентную коренную москвичку слегка облагороженный (ею же) деревенский увалень? Сто-процентный рубаха-парень!

Непонятно. Хотя Стас встречал и более несоответствующие пары.

В процессе ужина разница супругов обозначилась еще острее. Манеру поглощения Дмитрием еды нельзя было назвать прилизанным мещанским словом «кушать». Львов с фантасти-

ческой скоростью и сноровкой уплетал форель. Причмокивая и закатывая очи. Но, надо отдать должное, делал это так заразительно и аппетитно, что слово «жрет» не возникало тоже. Широко расставляя локти и стягивая с тарелок зелень, овощи, хлеб, хозяин дома забрасывал все в рот практически одновременно, крупными кусками. Потом не пережевывал, а перемальывал еду челюстями. Не забывая поднимать глаза к небу и гудеть «м-м-м», выражая жене одобрение и благодарность.

Евгения, неторопливо отделяя вилкой и ножом рыбную мякоть от косточек, смотрела на азартно жующего мужа с ласковой улыбкой.

Довольно быстро поддавшись непосредственной манере хозяина дома, Стас прекратил анализировать их отношения и в рекордные для себя сроки расправился с форелью. Запивая рыбу отличным сухим вином, сытый сыщик благожелательно подумывал: «А может быть, Евгению Истомину когда-то и привлекла в Львове эта искрометная естественность?.. Барышня и хулиган – классическая схема». Тем более что Дмитрий никаким хулиганом и не был: сметливый парень из деревни. Без приводов и всяческих историй.

Заново увлекшись вероятной реконструкцией любовных перипетий Львовых, Стас не заметил, как подошли соседи Капитоновы, Глеб и Анфиса. Обернулся уже на стук костыля Анфисы, забарабанившего по полу беседки. А повернувшись, невольно отметил, что первая жена монтируется с Дмитрием куда как лучше. Хотя высокорослая Анфиса с чуть рыжеватыми выющимися волосами так же замечательно смотрелась и со вторым супругом. Доведись Гущину случайно встретить эту троицу «неразлучников», то у него почти наверняка закралась бы мысль: а не родственники ли Дима, Анфиса и Глеб? Все словно под одну копирку выпущены: пышущие здоровьем розовощекие здоровяки с большими серыми глазами. Если б не ножной протез и костыль, с которым Анфиса легко и ловко управлялась, Стас ни за что не заподозрил бы, что у нее есть хоть какие-то проблемы со здоровьем.

Капитоновы принесли к столу кусок домашней буженины, бутылку самодельной смородиновой настойки и миску малосольных огурцов своего же производства. Застолье оживилось. Львовы принялись усаживать новоприбывших и представлять им гостя.

Так получилось, что сыщик как следует познакомился с мужем Евгении Сергеевны практически одновременно с прочей «Санта-Барбарой». До прихода соседей Львов был слишком поглощен форелью – молчал, жевал и изредка мычал. К моменту их появления насытился и заговорил, оправдывая скомканное знакомство:

– Весь день сегодня по Москве мотался на одном завтраке. Спасибо, Женечка, – чмокнул жену в щеку. – Ух. Все. – Похлопывая себя по животу, он обратился к Гущину: – Как вам у нас? Уже поговорили с Женей? Она волнуется, есть ли опасность для девчонок.

Анфиса отложила нож, которым щедро нарезала буженину, и тоже приготовилась послушать следователя. Ее муж нахмурился и достал из нагрудного кармана сигареты. Но не прикурил, а принялся вертеть зажигалку в пальцах.

– Опасность есть всегда, – не стал понапрасну успокаивать майор. – Скажу банально: можно и с крыльца упасть, шею сломать, так что предосторожности не бывают лишними. Но что касается конкретного случая... происшествия с Ларисой... – Стас посмотрел на напрягшуюся депутатку и в который раз подумал о том, что если Львова вызвала его сюда ради самоуспокоения, то не на того нарвалась. Гущин не собирался лечить чью-то совесть и нервы. – Я бы все-таки советовал вам всем уехать. На время.

Такого ответа, кажется, никто не ожидал. И в мысли о том, что Львова вызвала «лучшего столичного сыщика», дабы утешить душу и близких, Гущин укрепился.

– На какое время? – округляя и без того огромные глаза, трагически выдохнула Анфиса. – На месяц? На два? Навсегда?!

– Мы здесь живем, – отвернувшись к реке, буркнул Глеб. – Нам некуда и незачем уезжать. У нас скоро дочка из лагеря вернется... Куда нам ее...

– Ребята! – перебивая, воскликнула Львова. – Ну что вы, в самом деле?! – Миниатюрная горожанка бросилась утешать широкоплечую соседку. Забормотала: – Анфисочка, все уже знают, что у нас гостит один из лучших следователей Москвы. Неужто ты думаешь, будто какой-то преступник отважится сюда сунуться?!

Аппетит у всех испортился. Гуцин подумал, что хозяин дома вовремя поторопился с ужином. Как знал, что позже не получится спокойно насладиться рыбой.

Майор, наступая на горло принципам, решился все же поддержать хозяйку.

– Идея Евгении Сергеевны с моим приглашением была хорошей, – одобрил он. – Если в округе уже знают, что я поселился здесь, ничего плохого... я надеюсь, не произойдет. Девочек, конечно, лучше по грибы, по ягоды одних не отпускать...

– О чем вы говорите?! – перебила Анфиса. – Какие ягоды-грибы? Нам бы до первого сентября дотерпеть, а там – в школу, из школы под присмотром на машине! Да, Глеб?

– Угу, – угрюмо покусывая фильтр незажженной сигареты, кивнул муж. – Но дома под замком всю жизнь не просидишь.

Судя по всему, обстановка в Игнатово сложилась аховая. Жители напуганы, Львова старается ситуацию пригладить. Вон, своих девчонок не вывезла на курорт. Сыщика себе затребовала.

Мудро, черт побери. Сыщику не очень-то хотелось это признавать, но мадам депутат поступила правильно. Утихомирила страсти, поддержала электорат личным примером и действует грамотно – оповестила всю округу о прибытии следователя по особо важным делам. Чем, не исключено, огородила деревенских от преступника. «Истерики» в начальственных кабинетах уже не казались Стасу взбалмошностью. Причудой властолюбивой, забронзовевшей тетки. Тут получается наоборот: Львова правильно воспитывает дочек, переживает: «Как объяснить девчонкам, что я их вывожу, а их подружки остаются там, где опасно?» Ведь девочки неглупые. Хорошие. Им позже придется смотреть в глаза оставленным подругам.

Без личного примера воспитывать хороших девочек непросто.

Собрав воедино множество доводов, подредактировав и заново взглянув на ситуацию, майор отринул сыщицкую гордость и мысль: «Я иду на поводу у влиятельной тетки». Сказал:

– Предлагаю снять с повестки дня тревогу и... выпить. Евгения Сергеевна поступила совершенно правильно. Когда по округе разнесется информация, что за дело взялся, – Гуцин хмыкнул, – лучший московский сыщик, все преступники прямо-таки разбегутся!

Львова благодарно посмотрела на майора.

– Называйте меня Евгенией, пожалуйста. От Сергеевны я за год до одури устаю.

– Ой ли? – подмигнул соседке Глеб, наливавший всем настойки. – Мне что... тоже теперь тебя Сергеевной не приласкать?

Когда мужчины видят, что их жены готовы разрыдаться, им ничего не остается, как только дурачиться, пусть даже и с натяжкой. Львов очень кстати воткнул свежий анекдот. Тост в тему предложил. Потом второй последовал...

К приходу с реки молодежи взрослые уже смеялись. Причем стоит отметить, такого искреннего громогласного хохота временно отлученный от коллег майор давно не слышал. Анфиса оказалась чрезвычайно смешливой, Михайлович умел подначивать, а Глеб парировать. На фоне трех стародавних друзей славная депутатка Львова как-то потерялась, ушла на задний план, поскольку солировали здесь игнатовцы. Дружно, спаянно, привычно.

«Понятно, почему Евгения не захотела уезжать отсюда, – посасывая дольку лимона, думал сыщик. – Если тут каждый вечер такой концерт...»

Умаявшаяся Маргаритовна свернулась калачиком на лавочке в углу, куда Аня принесла пушистый коврик. Накупавшаяся такса отказалась даже от предложенного куса буженины. И почему-то совершенно не реагировала на взрывы хохота, а вела себя так, словно давным-давно

привыкла к этим шумным людям и странным запахам деревни. Уснула – будто в обморок упала. Не шевелились даже нос и уши.

А тут надо отметить: Маргаритовну майор считал отличной лакмусовой бумажкой. Если такса спокойно реагирует на незнакомцев, то люди встретились хорошие. Без гнильцы и червоточин.

И посему майор совсем расслабился, забыл, что собирался, не теряя понапрасну времени, работать, анализировать, расспрашивать. Отключив профессиональную въедливость, Гушин наслаждался дружелюбной атмосферой и отменными закусками. Смеялся наравне со всеми и исподволь поглядывал, как депутатский помощник ухаживает за депутатской дочерью – старается придвинуться поближе и как бы обособиться с девушкой от компании, но Янина ускользает...

Игнатовцы запели. Но не разудалую народную песню, Анфиса затянула протяжный романс, и пела так хорошо, что все прочие почти ей не подтягивали, а больше слушали. Госпожа депутат, пристроив подбородок на выгнутую ладонь, с нежностью смотрела на подругу.

Наевшегося, рано проснувшегося сыщика под песню потянуло в дрему. Когда над ухом Гушина раздался громкий голос, майор дернулся, словно его шилом укололи.

– Пап, я в бане дров добавил, через полчаса можно идти.

Сыщик поднял голову и поглядел на входящего в беседку сына Анфисы и Дмитрия.

Про таких детей обычно говорят: «В лесу потеряется – домой приведут». Ошибиться, не поняв, чей это сын, совершенно невозможно. Особенно если учитывать, что мать с отцом одной породы. Коротко остриженные волосы Михаила отдавали в легкую рыжину. Глаза, как у отца и матери, спокойные, лучистые. Хороший крепкий подбородок выдает недюжинную силу воли. Лоб и чуть поджатые губы, правда, намекают на упрямство и даже упертость. Но это в молодых парнях неплохо. Мягкость и податливость проигрывают силе воли.

Майор знал, что Михаил, отслужив в армии, поступил в технический вуз и на ура его окончил. Сейчас работает в фирме отчима, на подхвате у Глеба. Евгения его похваливает, говорит: парень крепко дружит с головой.

Михаил отказался от еды, но налил себе немного сухого вина. А после, не став усаживаться за стол на лавку, выбрал стул в углу беседки и сел, широко расставив ноги и откинувшись. Сосредоточил взгляд на любезничающем с Яниной помощнике.

И задремавший было сыщик опять включил «анализатор»: взгляд Михаила, брошенный на сводную сестру и ее ухажера, нельзя классифицировать как чисто братский. Майору показалось, в глазах младшего Львова застряла ревность. «Или неодобрение?» – поправил себя сыщик. Навряд ли отслужившему в армии деревенскому парню понравится столичный бонвиван. Михаил как будто сторожит... сестру? Или все-таки возлюбленную?

В сыщике разыгралась профессиональная тяга к определенности любого свойства. Незаметно перебросив взгляд на Янину и Влада, майор отметил, что у последнего на скулах появились алые пятна и шея напряглась...

«О-о-о, – подумал Гушин, – а ситуация-то запущенная, стародавняя. Влад знает о ревности либо неодобрении. Но, впрочем, – одернул себя следовательно, – я здесь не для того, чтобы в романах молодежи ковыряться».

Он дотянулся до бокала, который заботливые хозяева не забывали пополнять, отхлебнул отличного чилийского вина и через пару минут уже подтягивал игнатовцам: «Вот кто-то с горочки спустился...»

Расправившись с еще несколькими русскими народными, хозяева предложили гостю отправиться с мужчинами в баню, в первый пар. Но сыщик отказался.

Сказал, что баню в принципе не очень любит, предпочитает прохладный душ, и, прихватив под мышку вялую Занозу, отправился на боковую. Уснул, едва коснувшись головой подушки.

Ночью ему снились развеселые сенбернары, гоняющие по газону ярко-синие мячи. И одинокая девушка, сидящая к нему спиной на мягкой, как будто резиновой траве.

* * *

Утром Гуцин очень удивился, не обнаружив в комнате Занозу. Обычно Маргаритовна будила его рано, поскуливая, стаскивала одеяло и просилась выйти. Утыкалась влажным носом в руку, в ногу, в щеку – куда смогла добраться.

Сегодня, оказавшись в непривычной беззаботной тишине, горожанин выдряхся до неприличия. На часах, прищипленных к стене, стояло почти десять.

– Мать честная! – сказал себе сыщик.

Скатился с кровати и впервые за несколько месяцев машинально не схватился за приставленную к тумбочке трость. О больном колене вспомнил, лишь доскакав до совмещенных удобств возле кухни.

Обескуражено застыл. Подумал, а не вернуться ли за палкой?

Но плюнул. Колено вело себя на удивление примерно, хотя еще вчера требовало к себе внимания и предварительной разминки.

Стас умылся, почистил зубы, но плюнул на бритве: деревня примет его и слегка небритым. Проковылял на кухню, где некоторое время пытался разобраться с немаленьких размеров кофемашинкой. Но быстро понял, что, пообещав вчера «я разберусь», погорячился. Кофейный автомат оказался затейливой штуковиной, скорее всего переехавшей в гостевой домик из хозяйской кухни.

Гуцин глубокомысленно поковырялся в агрегате. Потом пошарил в навесных шкафчиках, надеясь обнаружить там хотя бы растворимый кофе. Нашел хороший чай, но поступил с ним так же, как с бритвем и тростью, – плюнул.

Но утро все же посчитал испорченным без кофе. А посему, одевшись в футболку и легкие джинсы, прихватив-таки трость, поковылял угощаться хозяйским кофейком.

Вышел на крыльцо. Поглядел на речные красоты и увидел на их фоне фигурку девушки, стоявшей у мольберта.

Вчера рассказав о семье Львовых и конкретно Янине коллега Мартынов уделил немного времени. Упомянул, что девушка – реставратор, и блеснул эрудицией: специализируется на произведениях станковой темперной живописи, преимущественно древнерусской. Лет пять назад Янина получила приглашение от итальянского музея, имевшего неплохую подборку русских икон. Под знойным итальянским солнцем познакомилась с художником Игнацио и суматошно вышла замуж.

Этим летом, разведясь, вернулась к маме.

Стас в нерешительности потоптался на крыльце, не зная, куда стопы направить: чашку кофе у хозяйки испросить или поглядеть на работу ее дочери? (Глянуть на палитру Янины сыщик посчитал любопытным – стиль и цвет выдают характер, настроение.) Но кофе таки победило, майор поплелся к дому и, завернув за угол, обнаружил мадам Львову: с грациозностью принюхивающейся афганской борзой депутат Госдумы стояла на карачках перед клумбой и выкорчевывала сорняки. Услышав стук трости о плитки дорожки, обернулась на звук.

– Доброе утро, – приветливо сказала она. – Как выспались?

– Доброе утро, выспался отлично, – информировал Гуцин и сразу же покаялся хозяйке, что не сумел освоить необщительную хитрую кофемашину.

Евгения поднялась с колен и, снимая с рук перчатки, пригласила гостя в дом на завтрак. Неторопливо поднимаясь по крыльцу, поблагодарила за вчерашний вечер:

– Огромное спасибо, Станислав, что вы не стали вчера никого расспрашивать о трагедии с Ларочкой. Признаться, я переживала, что мы опять начнем говорить об этом, крутить по сто

раз одно и то же. – Депутатка закусил губу и покачала головой: – Вот странно... До вашего приезда мы четыре дня только и делали, что говорили о смерти Лары, старались понять, могли ли мы ее предотвратить. Но вы приехали, и страсти снялись. Хотя я думала, что все получится наоборот: приехал следователь, и разговоры опять пойдут по кругу, вы станете нас расспрашивать.

– Временно я никакой не сыщик, – напомнил майор.

– Не имеет значения. С вашим приездом стало гораздо спокойнее. Дима, Глеб и Миша в будни появляются только к позднему вечеру, Миша – стопроцентный Львов, работа на первом плане. Вы всех нас очень выручили.

Гущин автоматически внес во вчерашние размышления поправку: Михаил ведет себя не как ревнивец – работает, а не пасет Янину день и ночь, моментом не пользуется и охранника из себя не изображает. В отличие от Владика.

– А где фон Маргаритовна? – поинтересовался Гущин. – Она с Анной?

– Да. Нюра побежала хвастаться собакой перед подружками. Простите, что не утерпела и не дождалась вашего пробуждения, Зойку ей вывел из дома Влад. Он же и пошел их провожать на другой конец деревни. Сюда на лето приезжает много дачников, компании девчонкам хватает...

Львова, разговаривая, провела сыщика до кухни, где стояла более способная к общению капсульная кофемашинка. Предложила Гущину на выбор несколько вариантов кофе, следователь, подумав, остановил свой выбор на обычном черном. Когда депутатка уже заправила агрегат, со стороны прихожей раздался звонок домофона.

Евгения подошла к внутреннему монитору и, глянув на экранчик, крикнула сыщику:

– Ну вот, Станислав, пожаловала обеспокоенная общественность! – Нажатием на кнопку она разблокировала электронный замок калитки и кого-то пригласила: – Заходите, Яков Валентинович! Я в доме, на кухне, поднимайтесь.

Судя по тому, как быстро гость преодолел дорожку от калитки и высокое крыльцо, на ногу он был скор и легок. Услышав донесшийся из прихожей вкрадчивый вопрос: «Евгения Сергеевна, я войду?» – Гущин ожидал увидеть молодого человека, но визитером оказался сухопарый мужичок лет пятидесяти пяти с воробыными повадками. В светлой рубашке с коротким рукавом, мешковатых серых брюках, из правого кармана которых торчал козырек белой полотняной кепки.

Качая при каждом шаге головой, поросшей жидкими пегими волосиками, Яков Валентинович просочился на кухню. Потирая цепкие желтоватые лапки-руки, с удовольствием уставился на сыщика:

– Позвольте отрекомендоваться.

Львова, скрывая улыбку, смотрела на мужичка, поскольку, вероятно, знала, что тот любит представляться самолично.

– Яков Валентинович Кнышев. Учитель истории. По совместительству местный краевед.

– Станислав Петрович Гущин. Майор юстиции. Из Москвы.

– Очень приятно, очень. – Краевед с протянутой рукой двинулся на Стаса. Пожав ладонь сыщика, задержал ее сухими пальцами. – Собственно, я уже собирался сам вам звонить, господин майор...

– Мне? – удивился Гущин и вытянул руку.

– Ну да. Меня, знаете ли, несколько обошли вниманием по причине того, что я, собственно, в момент убийства отсутствовал... Но я могу быть вам полезен. Очень. Как краевед, я знаю об Игнатово и окрестностях все. У меня даже некоторые соображения имеются.

Львова вложила в ладонь обескураженного сыщика чашку с кофе. Гущин уточнил:

– Яков Валентинович, может быть, вы собирались звонить Игорю Мартынову? Следователю, который ведет это дело?

– Ну да. А, собственно, какая разница? – нисколько не смутился краевед. – Вы ведь вместе работаете?

Гущин не стал углубляться в производственные тонкости и попросту кивнул. Хозяйка предложила учителю кофе, тот поблагодарил и продолжил разговор, прихлебывая и поглядывая на столичного гостя прищурившись:

– Вы уже были на дороге от Игнатово до Заборья? – Сыщик ответил отрицательно, и Кнышев изумился. Поставил чашку на стол. – Как?! Вы не ходили по...

– Яков Валентинович, – перебила историка Львова, – Станислав Петрович приехал только вчера.

– Ну так я знаю! – обрадованно воскликнул Кнышев. – Вся деревня знает, мы вас ждали, Станислав Петрович. Так сказать, готовились!

– К чему?

Гущин много раз встречал таких добровольных помощников следствия. Иногда они бывали полезными, иногда просто под ногами путались и лезли с бестолковыми услугами.

– Вот. – Яков Валентинович достал из нагрудного кармана рубашки несколько сложенных листочков. Разложил их на кухонном столе. – Я начертил план возможного пути Ларисы... Сейчас, минуточку, я только очки надену.

Пока Кнышев извлекал и надевал очки, Гущин покосился на хозяйку. Львова незаметно повела плечом: мол, что поделать, я предупреждала – пожаловал представитель обеспокоенной общественности.

– Вот, – повторил историк. – Извольте убедиться.

Гущин поглядел на рукотворную цветную карту окрестностей Игнатово, где речные берега старательно прочерчены синим карандашом, асфальтированная дорога отмечена черным, лес и кусты, соответственно, зеленым. Увидев несколько алых пунктирных нитей, догадался, что это и есть вероятные пути Ларисы.

– Я много думал, Станислав Петрович, – придерживая самодовольство, рапортовал краевед. – И у меня появились сомнения... – Яков Валентинович внезапно осекся, поверх очков поглядел на соседку-дачницу: – Евгения Сергеевна, простите, а мы вас не отвлекаем? Может быть, у вас есть какие-нибудь дела?

«Ну ни фиги себе историк погибает!» – мысленно присвистнул сыщик. Кнышев только что ничтоже сумняшеся намекнул хозяйке дома, что хочет побеседовать с ее гостем наедине. Типа, вон депутатку с собственной кухни выставлял.

Но, как оказалось, следовательно ошибся.

– Станислав Петрович, – обратился краевед к нему, – может быть, прогуляемся, так сказать, до места событий? Я вам все прямо там и объясню. Получится доходчивей.

Гущин долго не раздумывал. Это утро он собирался посвятить дороге, на которой произошло нападение на горничную. Правда, положила руку на сердце, в провожатые он хотел бы попросить Янину...

Но отказываться от помощи аборигена-краеведа глупо.

– Согласен, – кивнул следователь. – Только кофе допью, можно?

С дорогой от Игнатово до Заборья сыщик познакомился еще вчера, когда ехал к Львовым. Он даже попросил Влада уменьшить скорость, поскольку именно с дорогой был связан основной нюанс последнего убийства: раньше Водяной не нападал на девушек в безлюдных местах. Всех прежних «русалок» в последний раз видели в довольно посещаемых парках: одна пропала, выйдя из ночного клуба, другая исчезла с шумного праздника на пляже, следующую жертву убийца выследил в большом торговом центре или по пути из него...

Нападение на Ларису пока признавали спонтанным. Поздним вечером девушка шла по безлюдному шоссе, убийца, вероятно, ехал мимо и предложил подвезти до деревни, так как напасть, выскакивая из кустов, на той дороге невозможно. Лариса села в машину и...

Но перед «и» стоял вопрос: знала ли жертва убийцу?

Конкретно эту тему освещал шагающий по обочине историк Кнышев:

– Я Лару знаю с детства, она была моей ученицей. Не сказать чтоб девушка была примерной и прилежной, но у современной молодежи один ветер голове. – Опомившись, что ругает покойную, Яков Валентинович пробормотал: – Светлая ей память.

Следователь, помогая учителю преодолеть неловкость, поинтересовался:

– Яков Валентинович, Лара могла сесть в машину к молодому симпатичному незнакомцу?

– А почему именно к молодому и симпатичному? – Притормозив, краевед недоуменно посмотрел на Гущина.

– Потому что это поможет в составлении портрета убийцы.

– Ах, в этом смысле. – Кнышев снова двинулся вперед. – Она могла бы сесть и не к совсем симпатичному, и к вовсе немолодому. – Хмыкнул. – Говорю же – ветер в голове. Тем более что, – учитель искоса бросил взгляд на сыщика, – мне кажется, Лариса ни в какую машину и не садилась.

– Почему? – Теперь уже сыщик остановился и поглядел вперед.

До Игнатово прямая, как стрела, дорога шла параллельно реке – летела через ровное поле до моста через ручей, а дальше шла к Заборью, откуда снова устремлялась к берегу. Ни одного укромного куста на отрезке в полтора километра не было. Придорожные кюветы мелкие, в них залечь и спрятаться невозможно. По трезвому размышлению девушка могла подвергнуться неожиданному нападению, только оказавшись в чьей-то машине.

О том же, что Лариса встретила убийцу на дороге и не сумела от него убежать, речь не шла. Покойная была чемпионкой района по спортивному ориентированию и превосходно бегала. Молодой и резвый убийца, конечно, мог бы ее догнать и свалить с ног, но тогда на теле Ларисы остались бы соответствующие следы.

А их не оказалось. Все говорило о том, что нападение произошло неожиданно, скорее всего, Лариса знала Водяного либо он вызвал у нее доверие. Все прежние «русалки» тоже доверяли своему убийце. Отсюда и вопрос о молодом симпатичном мужчине.

– Станислав Петрович, – остановился рядом со следователем краевед, – идти дальше не имеет смысла. Вы уже убедились, что напасть на этой дороге практически негде.

– Если только Ларисе не предложили подвезти и она не села в машину, – напомнил Гущин.

– Да не было ее на этой дороге! – воскликнул Кнышев.

– Почему? Ее подруга сказала, что Лариса пошла сюда.

– Господи, – поморщившись, пробормотал историк, – кому вы верите? Дарья Селезнева известная врушка и изобретательница. Я знаю ее как облупленную.

– Уверены? Уверены, что Дарья обманула следствие? – Майор внимательно поглядел на взволнованного общественника.

– Практически да, – солидно кивнул тот. – Я давно знаю девочек, их маленькие хитрости – секрет Полишинеля. Пойдемте, Станислав Петрович, я докажу вам, что не ошибаюсь, а по пути посвящу в цепь своих рассуждений.

«Батюшки, да мы, похоже, детективы любим, – сворачивая вслед за историком с дороги на тропинку, ведущую к реке, досадливо подумал сыщик. – Этого еще не хватало... доморощенного Ниро Вульфа. – И хмыкнул: – Может, он еще и орхидеи разводит в тепличке вместо помидоров?»

Гущин пристроился в спину краеведа, когда тропинка стала немного шире, Кнышев пошел с ним бок о бок.

– Станислав Петрович, позвольте поинтересоваться: когда к Дарье пришли с вопросами о Ларисе, ей сказали, что подругу убили, или, ничего не объясняя, сразу стали спрашивать об их последней встрече?

Гущин постарался вспомнить. Он читал свидетельские показания Селезневой, но сказать наверняка, как складывался разговор с Дарьей, не мог. Не знал, что это станет для кого-то важным.

Историк правильно расшифровал задумчивость майора и не стал дожидаться ответа:

– Мне, Станислав Петрович, ситуация видится так: Дарье с порога не объявили о смерти Ларисы. У вас работают опытные люди, они в состоянии определить, что перед ними девица с глазами на мокром месте, а с такими лучше разговаривать исподволь, не пугая сразу. Так?

– Предположим, – согласился сыщик и окончательно отнес историка в разряд любителей криминального чтива. – Но к чему вы ведете?

– А к тому, что Лара и Даша курят, – сдал подружек краевед. – И у обеих строгие родители. Я хорошо знаю их семьи: отец Ларисы спокойно мог выпороть взрослую дочь, если б поймал ее с сигаретой.

Тропинка довела майора и историка до узкой тропки, шедшей вдоль кирпичного забора Львовых, опять пришлось идти гуськом. Путь закончился на берегу, где небольшой песчаный пляжик огораживали сарай для лодок и заросли кустов напротив. Сарай стоял впритирку к железным кольям забора, Кнышев глянул из-за его угла на территорию Львовых.

– Начнем отсюда, – пробормотал и глубоко надвинул кепку на лоб. – Вот, Станислав Петрович, полюбуйтесь: начиная отсюда тропа совершенно закрыта от села речным обрывом. Так?

Гущин сделал то, о чем его попросили: выглянул из-за угла, потом поглядел на едва заметную тропинку, идущую вдоль берега, и согласился.

– Вы курите? – неожиданно спросил историк и, когда сыщик отрицательно помотал головой, вздохнул: – Я почему-то так и думал. Ну что же... – Яков Валентинович извлек из кармана брюк пачку, где вместе с несколькими сигаретами лежала зажигалка. Прикуривая, буркнул: – Следственный эксперимент требует достоверности, но я, поверьте, проводил его уже дважды. – Неумело пыхнув сигаретой, Кнышев предложил: – Пойдемте, Станислав Петрович. Только, если можно, быстрее. В темпе, которым здесь Лариса шла.

Упоминание покойной действовало на сыщика как обезболивающий препарат, подпрыгивая на здоровой ноге, Гущин устремился за резво удалявшимся историком. Тропинка забирала вверх, обходя топкий участок. Кнышев ответственно дымил. Когда от сигареты осталась половина, остановился и дождался Стаса.

– Вот поглядите. – Краевед указал пальцем на валявшийся в траве окурочек тонкой сигаретки. – Это – чинарик номер один. Он совсем старый, здесь Лариса, видимо, когда-то шла медленнее. Но мы с вами идем дальше.

Пройдя еще метров двадцать, детектив-любитель остановился и присел на корточки, разгребая руками высокую траву.

– А это – два и три... – Отойдя гусиным шагом еще на пару метров, продолжил счет: – Четыре. – Кнышев осторожно приподнял крохотный окурочек, предъявил следователю свою почти приконченную сигарету и, встав, бросил ее на землю, притоптав сандалией. – Мне нужно что-то объяснять, Станислав Петрович?

– Хотите сказать, что это окурки Ларисы? – хмуро поинтересовался Стас.

Для сыщика-любителя наступил звездный час. Разведя руки и вздернув плечи, он воскликнул:

– А чьи ж еще?! Я вас умоляю, посмотрите: все фильтры в помаде, помада – морковная с перламутром! А это, можете мне поверить, помада Лары...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.